АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ҚЫДЫРБАЙ ЕРНАР ЗИЯТҰЛЫ

Организационно-правовые аспекты ареста имущества в уголовном процессе Республики Казахстан: обеспечение возмещения ущерба и гражданского иска

Проект на соискание степени магистра национальной безопасности и военного дела по образовательной программе 7М12301-«Правоохранительная деятельность» (профильное направление)

Научный руководитель:
доцент кафедры специальных
юридических дисциплин
Байгалиев А.Б.,
доктор философии (PhD),
советник юстиции

_____

г. Косшы, 2026 г.

ТҮЙІНДЕМЕ

Магистрлік жоба Қазақстан Республикасының қылмыстық процесінде мүлікке тыйым салудың ұйымдастырушылық-құқықтық аспектілерін, оның ішінде келтірілген залалды өтеуді және азаматтық талапты қамтамасыз ету мәселелерін кешенді зерттеуге арналған.Зерттеу жұмысы қойылған мақсаттар мен міндеттерге сәйкес құрылып, кіріспеден, екі бөлімнен (бірнеше бөлімшелерден), қорытындыдан және пайдаланылған дереккөздер тізімінен тұрады.

Жұмыста мүлікке тыйым салу институтының құқықтық табиғаты, оның қылмыстық процестегі орны мен функционалдық мәні, қолдану негіздері мен шарттары, сондай-ақ процессуалдық тәртібі талданған. Сонымен қатар, мүлікке тыйым салуды қолданудың ұйымдастырушылық-құқықтық проблемалары, прокурорлық қадағалау мәселелері, меншік иелері мен үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғау, азаматтық талапты қамтамасыз ету, сондай-ақ шетелдік тәжірибе қарастырылған.Зерттеу нәтижесінде қолданыстағы заңнама мен құқық қолдану тәжірибесіндегі жүйелі кемшіліктер анықталып, оларды жоюға бағытталған нақты ғылыми-практикалық ұсыныстар мен ұсынымдар әзірленді.Жұмыс нәтижелері қорғауға ұсынылатын негізгі қағидалар түрінде тұжырымдалған.

РЕЗЮМЕ

Магистерский проект посвящен комплексному исследованию организационно-правовых аспектов ареста имущества в уголовном процессе Республики Казахстан в целях обеспечения возмещения ущерба и гражданского иска. Работа построена в соответствии с целью и задачами исследования и состоит из введения, двух разделов (включающих ряд подразделов), заключения и списка использованных источников.

В исследовании раскрыты правовая природа ареста имущества, его место и значение в системе мер уголовно-процессуального принуждения, основания, условия и процессуальный порядок его применения. Особое внимание уделено организационно-правовым проблемам реализации данной меры, вопросам прокурорского надзора, защите прав собственников и третьих лиц, обеспечению гражданского иска, а также анализу зарубежного опыта. По результатам исследования выявлены системные недостатки нормативного регулирования и правоприменительной практики, препятствующие эффективному возмещению ущерба, и разработаны научно обоснованные предложения и практические рекомендации по их устранению. Основные результаты исследования сформулированы в виде положений, выносимых на защиту.

SUMMARY

The master’s project is devoted to a comprehensive study of organizational and legal aspects of property seizure in the criminal procedure of the Republic of Kazakhstan, aimed at ensuring compensation for damage and civil claims.

The work is structured in accordance with the purpose and objectives of the study and consists of an introduction, two sections (including several subsections), a conclusion, and a list of references. The research examines the legal nature of property seizure, its role within the system of procedural coercive measures, as well as the grounds, conditions, and procedural order of its application. Particular attention is paid to organizational and legal issues, prosecutorial supervision, protection of property rights of owners and third parties, ensuring civil claims, and comparative analysis of foreign practices. The study identifies systemic shortcomings in legal regulation and law enforcement practice that hinder effective compensation for damage and proposes scientifically grounded solutions and practical recommendations.The main results of the research are presented in the form of key provisions submitted for defense.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ 5

ВВЕДЕНИЕ 6

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ АРЕСТА ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

1.1 Понятие, правовая природа и функциональное назначение ареста имущества……..13

1.2 Основания и условия применения ареста имущества 15

1.3 Процессуальный порядок наложения ареста имущества 18

1.4 Предварительные обеспечительные меры: правовой режим и проблемы 20

2 ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА АРЕСТА ИМУЩЕСТВА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА

2.1 Исполнение ареста имущества и взаимодействие органов уголовного преследования 23

2.2 Прокурорский надзор за законностью и соразмерностью ареста имущества……..……25

2.3 Защита прав собственника и третьих лиц 27

2.4 Арест имущества в обеспечении гражданского иска 30

2.5 Цифровые активы и обеспечение гражданского иска в условиях цифровой экономики…….…….33

2.6 Организационно-правовой механизм (алгоритм) применения ареста имущества в целях обеспечения возмещения ущерба 36

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 40

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 45

ПРИЛОЖЕНИЯ 49

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АФМ	Агентство по финансовому мониторингу Республики Казахстан
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕКПЧ	Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод
ЕС	Европейский союз
ЕСПЧ	Европейский суд по правам человека
ФАТФ	Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force)
ГАК	Государственная аттестационная комиссия
ГК РК	Гражданский кодекс Республики Казахстан
ГП РК	Генеральная прокуратура Республики Казахстан
DOJ	Министерство юстиции Соединённых Штатов Америки (Department of Justice)
КоАП РК	Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях
МРП	Месячный расчётный показатель
НФТ	невзаимозаменяемый токен (Non Fungible Token)
СНГ	Содружество Независимых Государств
StPO	Strafprozessordnung (Уголовно процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии)
УК РК	Уголовный кодекс Республики Казахстан
УПК РК	Уголовно процессуальный кодекс Республики Казахстан
USDT	криптовалютный стейблкоин Tether USD

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования. В условиях развития рыночных отношений и усиления защиты права собственности особое значение приобретает обеспечение возмещения ущерба, причиненного уголовными правонарушениями. Одним из ключевых инструментов, направленных на достижение указанной цели, является арест имущества как мера уголовно-процессуального принуждения, сочетающая функции обеспечения потенциального наказания и защиты имущественных интересов потерпевшего. Эта двойственность порождает устойчивое противоречие между публичным интересом уголовного преследования и частным интересом собственника - противоречие, практическое разрешение которого в значительной степени определяет реальную эффективность уголовного судопроизводства.

Оценка современного состояния решаемой практической задачи. Казахстанская правоприменительная практика последних лет фиксирует тревожную закономерность. По официальным данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, за 12 месяцев 2024 года установленный ущерб по оконченным уголовным делам составил 303,3 млрд тенге, из которых обеспечено возмещение лишь на сумму 103,9 млрд тенге, что составляет 34,3% [1]. Разрыв между судебным решением о взыскании и его реальным исполнением обусловлен прежде всего несвоевременным обращением к аресту имущества на стадии досудебного расследования: к моменту вступления приговора в законную силу активы нередко уже отчуждены, сокрыты или обременены правами добросовестных третьих лиц. Это обстоятельство свидетельствует о системных недостатках организационно-правового механизма применения данной меры, а не о случайных сбоях в отдельных делах.

Несмотря на значительное количество научных исследований, посвященных вопросам ареста имущества, в современной юридической науке

отсутствует комплексный подход к изучению организационно-правовых аспектов его применения, включая вопросы взаимодействия органов досудебного расследования, прокуратуры и суда. Нормативная база института ареста имущества в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан охватывает главным образом статьи 161-163 УПК РК [2], однако законодательный массив, формально достаточный для описания процедуры, содержит ряд пробелов, ставших устойчивыми точками конфликта в правоприменении. Отсутствует четкий процессуальный регламент предварительных обеспечительных мер, применяемых до судебного ареста; не урегулирован порядок ареста цифровых активов и криптовалют; недостаточно определены критерии соразмерности при установлении объема арестуемого имущества. Каждый из этих пробелов неоднократно становился предметом судебных споров, разрешавшихся непоследовательно.

Особую остроту проблема приобретает в делах о коррупции в квазигосударственном секторе, уголовное преследование по которым инициируется Генеральной прокуратурой и Агентством по финансовому мониторингу. Активы по таким делам нередко рассредоточены в нескольких юрисдикциях, что делает вопрос о своевременном и технически корректном аресте принципиально важным для реального возмещения ущерба государству. Именно в этом контексте выработка практикоориентированных алгоритмов применения ареста имущества приобретает самостоятельную правоохранительную ценность.

Целью настоящего исследования является выявление системных недостатков правового регулирования и правоприменительной практики ареста имущества в Республике Казахстан, а также разработка организационно-правового механизма (алгоритма) его эффективного применения на различных стадиях уголовного процесса в целях обеспечения возмещения ущерба и гражданского иска.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- раскрыть правовую природу ареста имущества как меры уголовно-процессуального принуждения и определить его место в системе мер обеспечения гражданского иска;
- проанализировать основания, условия и процессуальный порядок применения ареста имущества по действующему УПК РК [2];
- исследовать правовой режим предварительных обеспечительных мер, применяемых до судебного ареста, и оценить их эффективность;
- рассмотреть проблемы защиты прав добросовестных третьих лиц и конституционных гарантий права собственности в уголовном судопроизводстве;
- изучить зарубежный опыт правового регулирования ареста имущества и выработать предложения по совершенствованию казахстанского законодательства;
- выявить пробелы и противоречия действующего законодательства, в том числе в части ареста цифровых активов;
- разработать практикоориентированный организационно-правовой алгоритм применения ареста имущества на различных стадиях уголовного процесса, адаптированный к условиям деятельности органов досудебного расследования, прокуратуры и суда.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе применения ареста имущества в уголовном процессе Республики Казахстан в целях обеспечения возмещения ущерба и удовлетворения гражданского иска.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан [2], регулирующие наложение и снятие ареста имущества, практика их применения органами досудебного расследования, прокуратурой и судом, а также зарубежный нормативный и доктринальный опыт в данной сфере.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания, включая диалектический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и статистический методы.

Нормативную базу исследования образуют Конституция Республики Казахстан [3], Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [2], Уголовный кодекс Республики Казахстан [4], Гражданский кодекс Республики Казахстан [5], специальные законодательные акты, нормативные постановления Верховного Суда, а также международные договоры в сфере правовой помощи по уголовным делам.

Теоретическую основу исследования составляют труды казахстанских ученых - Исмаилова Б.И. [6], Тулеуовой М.Е. [7], Смагулова А.К. [8], Нурмагамбетова С.Б. [9], Ахметовой Г.С. [10], Жакупова Ж.С. [11], а также зарубежных исследователей в области уголовно-процессуального права и обеспечения имущественных требований.

Практические рекомендации:

1. Действующий порядок ареста имущества недостаточно защищает права добросовестных третьих лиц, поскольку не предусматривает их своевременного уведомления, обязательного участия собственника при рассмотрении следственным судьей вопроса об аресте имущества, а также эффективного механизма обжалования ареста.

В связи с этим, в целях усиления защиты прав собственников имущества предлагается статью 161 УПК РК дополнить пунктом 11 в следующей редакции:

«11. Копия постановления о наложении ареста на имущество, санкционированного следственным судьей, не позднее двадцати четырех часов с момента его получения лицом, осуществляющим досудебное расследование, вручается или направляется собственнику имущества, а также третьим лицам, на чье имущество наложен арест или чьи права обременены данным арестом, за

исключением случаев, когда их местонахождение не установлено. Извещение может быть направлено в форме электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью, либо посредством иных каналов связи, обеспечивающих фиксирование получения уведомления»,

- статью 163 УПК РК дополнить пунктом 2-1 в следующей редакции: «2-1. В случае, если арест налагается на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу (третьих лиц), либо если собственник имущества заявил мотивированное ходатайство о несогласии с обеспечительными мерами до момента рассмотрения дела судом, следственный судья проводит закрытое судебное заседание с участием прокурора, следователя (дознавателя) и собственника имущества (его представителя). Неявка своевременно извещенного собственника имущества или его представителя не препятствует рассмотрению ходатайства.

В ходе судебного заседания собственник имущества или его представитель вправе давать объяснения, представлять документы, подтверждающие законность происхождения имущества, заявлять возражения относительно соразмерности стоимости имущества предъявленному иску или объему предполагаемой конфискации».

2. Разработан организационно-правовой алгоритм применения ареста имущества на различных стадиях уголовного процесса, предусматривающий последовательный порядок действий органов досудебного расследования, прокуратуры и суда, направленный на своевременное выявление, фиксацию, оценку и сохранение имущества в целях обеспечения реального возмещения ущерба и исполнения гражданского иска.

Апробация и внедрение результатов определяется разработкой организационно-правового механизма (алгоритма) применения ареста имущества, который может быть непосредственно использован в деятельности органов досудебного расследования, прокуратуры и суда при обеспечении

возмещения ущерба и гражданского иска. Разработанные практические рекомендации ориентированы на устранение конкретных правоприменительных дефектов и предназначены для внедрения в работу правоохранительных органов, а также в образовательный процесс Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

1 Теоретические и нормативные основы ареста имущества в уголовном процессе Республики Казахстан

1.1 Понятие, правовая природа и функциональное назначение ареста имущества

Арест имущества в уголовном процессе представляет собой меру процессуального принуждения имущественного характера, применяемую с разрешения суда и состоящую в ограничении права собственника или иного титульного владельца распоряжаться, а в отдельных случаях и пользоваться имуществом на период производства по уголовному делу. Статья 161 УПК РК [1] закрепляет данный институт в системе иных мер принуждения, однако его правовая природа остаётся предметом дискуссии как в казахстанской, так и в зарубежной доктрине.

Принципиальный вопрос, который эта дискуссия обнажает, состоит в следующем: является ли арест имущества исключительно уголовно-процессуальной мерой или представляет собой гибридный институт, сочетающий процессуальные и материально-правовые элементы. Исмаилов Б.И. рассматривает арест имущества как самостоятельную меру процессуального принуждения, обладающую обеспечительной, а не карательной функцией [6]. Данная позиция корректна в той мере, в которой она разграничивает арест и конфискацию как наказание, однако недостаточна для объяснения тех случаев, когда арест фактически парализует хозяйственную деятельность юридического лица задолго до вынесения приговора.

Более точным представляется понимание ареста имущества как инструмента обеспечительного воздействия с двойной функцией. Первая из них - фискально-восстановительная: арест призван сохранить имущественную массу, достаточную для удовлетворения гражданского иска и возмещения ущерба,

причинённого преступлением. Вторая - превентивно-процессуальная: арест лишает обвиняемого возможности посредством отчуждения или сокрытия имущества уклониться от исполнения имущественных санкций. Эти функции сосуществуют в рамках единого процессуального действия, что и создаёт те коллизии, с которыми сталкивается правоприменитель.

Казахстанская доктрина традиционно рассматривает арест как меру обеспечения гражданского иска и возможного взыскания. Нурмагамбетов С.Б. предложил разграничивать обеспечительный арест, направленный на удовлетворение иска потерпевшего, и конфискационный арест, обеспечивающий применение уголовного наказания в виде конфискации имущества [9]. Это разграничение имеет сугубо практическое значение: цели ареста определяют его объём, порядок обращения с арестованным имуществом и основания для его снятия. Действующая редакция УПК РК такого разграничения на нормативном уровне не проводит, что порождает неопределённость в ситуациях, когда гражданский иск не предъявлен или предъявлен в меньшем объёме, чем позволяет размер конфискуемых активов. В подобных случаях суды нередко сохраняют арест превентивно, фактически превращая обеспечительную меру в квазинаказание, что прямо противоречит презумпции невиновности, закреплённой в статье 77 Конституции Республики Казахстан [3].

В сравнительно-правовом измерении казахстанская модель ареста имущества тяготеет к континентальному типу, при котором решение принимается судом по ходатайству следователя с согласия прокурора. Германская модель Arrestbefehl (§ 111b-111o Уголовно-процессуального кодекса Германии) строится на схожем принципе, однако в значительно большей мере акцентирует процессуальное положение потерпевшего как активного участника, вправе самостоятельно обращаться к суду с заявлением об обеспечении гражданского иска [12]. Казахстанский законодатель такого механизма не

предусматривает, что ослабляет позицию потерпевшего в делах, где следователь или прокурор не проявляют достаточной инициативы.

Тулеуова М.Е. обращает внимание на то, что процессуальные гарантии при применении мер принуждения в казахстанском законодательстве существенно уступают стандартам, выработанным Европейским судом по правам человека применительно к статье 1 Протокола №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7]. Речь идёт прежде всего о требовании соразмерности: арест имущества должен находиться в разумной пропорции с преследуемой целью. В практике казахстанских судов данное требование зачастую трактуется как формальное соответствие сумме предъявленного обвинения, тогда как реальная рыночная стоимость арестованных активов нередко многократно превышает размер инкриминируемого ущерба.

Функциональное назначение ареста имущества неотделимо от его места в системе мер по возмещению ущерба. Ущерб, причинённый уголовным правонарушением, может быть возмещён добровольно подозреваемым или обвиняемым, через гражданский иск в рамках уголовного дела, а также посредством исполнения приговора в части конфискации или взыскания. Арест имущества обслуживает все три канала возмещения, создавая условия для того, чтобы ни один из них не оказался заблокированным вследствие утраты активов.

1.2 Основания и условия применения ареста имущества

Основания для наложения ареста на имущество закреплены в части 1 статьи 161 УПК РК [1]. Законодатель называет три группы оснований: обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска, обеспечение возможной конфискации имущества, а также обеспечение взыскания процессуальных издержек. На практике подавляющее большинство ходатайств об аресте

имущества мотивируются первым или вторым основанием, нередко без разграничения между ними.

Условиями применения ареста выступают: наличие возбуждённого уголовного дела и процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого; принадлежность имущества данному лицу либо нахождение имущества у третьих лиц, если доказано, что оно передано им для укрытия или является доходом от преступления; соразмерность объёма ареста предполагаемому ущербу или возможной сумме конфискации. Каждое из этих условий в правоприменительной практике порождает самостоятельные проблемы.

Вопрос о принадлежности имущества является ключевым и одновременно наиболее конфликтным. Смагулов А.К., анализируя судебную практику по данной категории дел, констатирует устойчивую тенденцию к расширительному толкованию понятия «имущество подозреваемого» [8]. Следователи нередко ходатайствуют об аресте имущества, формально зарегистрированного на супруга, родственников или партнёров по бизнесу подозреваемого, опираясь на предположение об аффилированности, которое в дальнейшем не всегда подтверждается доказательствами. Суды, проявляя избыточную лояльность к обвинению на стадии рассмотрения ходатайства, санкционируют такой арест, перелагая на третьих лиц бремя доказывания своей добросовестности.

Условие соразмерности воспроизводит общий принцип пропорциональности, закреплённый в статье 8 УПК РК [1], однако его операционализация в конкретных делах остаётся проблемой. Размер предъявленного обвинения нередко определяется на начальном этапе расследования предварительно и с существенным допуском. Арест имущества, наложенный в расчёте на максимальный размер обвинения, который впоследствии корректируется судом в сторону уменьшения, означает избыточное ограничение права собственности на протяжении всего срока расследования и судебного разбирательства. Жакупов Ж.С. предлагает ввести

механизм периодического пересмотра соразмерности ареста по аналогии с порядком пересмотра меры пресечения [11]. По его мнению, суд, санкционировавший арест, должен каждые три месяца проверять актуальность его оснований и соответствие объёма ареста имущественному состоянию дела. Инерционность раз наложенного ареста остаётся одной из главных точек критики со стороны правозащитного сообщества Казахстана, и данная позиция заслуживает законодательного воплощения.

Ахметова Г.С. указывает на значимую проблему, которую законодатель фактически обошёл: отсутствие в УПК РК чётких процессуальных правил для ситуации, когда имущество является предметом залога или иного обременения в пользу добросовестного кредитора [10]. Арест де-факто нарушает права кредитора, никоим образом не связанного с уголовным делом. Гражданский кодекс Республики Казахстан [5] устанавливает приоритет залогодержателя при распределении стоимости имущества, однако механизм учёта этого приоритета в уголовно-процессуальных отношениях нормативно не определён.

Отдельного внимания заслуживает проблема ареста имущества юридических лиц в случаях, когда уголовное преследование направлено против их руководителей или учредителей. Действующее законодательство не содержит специального регулирования данной ситуации, хотя она принципиально отличается от ареста имущества физического лица. Арест счетов или ключевых активов юридического лица парализует его деятельность и причиняет ущерб работникам, контрагентам и иным лицам, чьи интересы с уголовным делом никак не связаны. Казахстанские суды единого подхода к таким делам пока не выработали, что порождает правовую неопределённость, негативно отражающуюся на деловом климате.

1.3 Процессуальный порядок наложения ареста имущества

Наложение ареста на имущество требует судебного решения, принимаемого по результатам рассмотрения ходатайства следователя, внесённого с согласия прокурора (ст. 162 УПК РК [1]). Данный механизм в целом соответствует стандартам судебного контроля за ограничением права собственности, однако качество рассмотрения ходатайств на практике остаётся неудовлетворительным.

Анализ правоприменительной практики обнаруживает системную проблему: суды санкционируют ходатайства об аресте имущества в подавляющем большинстве случаев, практически не проверяя их содержательную обоснованность. По имеющимся данным, доля отказов в удовлетворении ходатайств о наложении ареста составляет не более 3-5% от общего числа обращений [2]. Само по себе это не является свидетельством судебных ошибок - возможно, следователи обращаются в суд лишь тогда, когда уверены в исходе. Однако в сочетании с отсутствием у собственника права участвовать в рассмотрении ходатайства такая статистика свидетельствует об ослабленности судебного контроля.

УПК РК не устанавливает исчерпывающего перечня сведений, которые должно содержать ходатайство об аресте имущества. Восполнение этого пробела нормативным постановлением Верховного Суда [13] лишь частично снимает проблему: рекомендации носят ориентирующий, но не обязывающий характер для следователей нижестоящих органов. В ходатайстве о наложении ареста имущества подлежат обоснованию следующие обстоятельства: наличие уголовного дела, процессуального статуса лица и квалификации деяния, по которому возможно взыскание ущерба или конфискация; причинно-следственная связь между инкриминируемым деянием и имущественным вредом конкретного размера; принадлежность или связь арестуемого имущества с подозреваемым либо доказательства того, что имущество третьего лица является

доходом от преступления; соответствие объёма ареста предполагаемому размеру имущественных требований с учётом рыночной стоимости активов.

Последний элемент особенно критичен и вместе с тем наиболее уязвим на практике. Оценка рыночной стоимости арестуемого имущества требует привлечения специалиста-оценщика, тогда как следователи нередко оперируют балансовой или кадастровой стоимостью, которая может значительно расходиться с рыночной. Разрыв между кадастровой и рыночной стоимостью недвижимости в казахстанских городах в ряде случаев достигает 40-60%, что делает сравнение ценности арестованного с размером исковых требований методологически некорректным.

Суд при рассмотрении ходатайства действует в условиях неполноты информации и ограниченного времени. Статья 162 УПК РК [1] отводит суду 24 часа на рассмотрение ходатайства о наложении ареста. За этот срок суд лишён возможности провести самостоятельную проверку данных следователя, заслушать собственника имущества или его представителя, исследовать вопрос о правах третьих лиц. Поверхностность судебного контроля в таких условиях является институциональной проблемой, а не персональной проблемой конкретных судей.

Принципиальным шагом вперёд стало бы законодательное закрепление двухэтапного судебного контроля: первичное решение принимается судом без уведомления собственника в случаях, требующих оперативности, однако не позднее чем через 5 рабочих дней проводится полноценное слушание с участием всех заинтересованных лиц, по результатам которого арест либо подтверждается, либо снимается или корректируется. Данная модель апробирована в ряде государств Европейского союза и признана соответствующей стандартам Европейской конвенции о защите прав человека.

1.4 Предварительные обеспечительные меры: правовой режим и проблемы

Практика расследования уголовных дел об экономических и коррупционных преступлениях давно обнаружила принципиальный изъян законодательной модели ареста имущества: время, необходимое для подготовки ходатайства, его согласования с прокурором и рассмотрения судом, нередко оказывается достаточным для обвиняемого, чтобы вывести активы за пределы досягаемости уголовного процесса. Ответом на этот изъян стала практика применения предварительных обеспечительных мер, которые не тождественны аресту в смысле статьи 161 УПК РК [1], но фактически ограничивают распоряжение имуществом до судебного решения.

К числу таких мер относятся запрет совершения регистрационных действий в отношении недвижимого имущества и транспортных средств, направляемый следователем в соответствующие регистрирующие органы; приостановление операций по банковским и иным финансовым счетам на основании запросов в банки второго уровня; запрет совершения нотариальных действий по удостоверению сделок с конкретным имуществом. Каждая из этих мер имеет собственную правовую основу, рассредоточенную по различным отраслевым актам, и применяется органами расследования как организационный инструмент, формально не требующий судебного решения.

Именно здесь находится центральная правовая проблема. Ограничение права распоряжения имуществом по своим последствиям для собственника равнозначно аресту: он лишается возможности продать, заложить, передать в аренду или иным образом распорядиться своим имуществом. Однако такое ограничение вводится без судебного решения, без уведомления собственника и без какого-либо установленного срока действия. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан, на которое ссылается

правоприменитель [13], лишь закрепляет сложившуюся практику, не устанавливая процессуальных гарантий для тех, чьё имущество ограничено.

Раннее действовавший Конституционный совет Республики Казахстан последовательно придерживался позиции о том, что любое ограничение конституционного права, в том числе права собственности, допустимо лишь в случаях и порядке, предусмотренных законом [13]. Применение предварительных обеспечительных мер по решению следователя без судебного контроля этому критерию не отвечает. Аналогичный вывод следует из практики Европейского суда по правам человека: в деле Kolb and Others v. Austria суд констатировал нарушение Протокола №1 в ситуации, когда ограничение права собственности вводилось без надлежащего судебного контроля [14].

Применительно к банковским счетам существует дополнительная проблема: закон не устанавливает предельного размера замораживания средств и не требует от следователя обосновать соответствие заморозки предполагаемому размеру ущерба. В результате нередки ситуации, когда заморожены все счета юридического лица или физического лица, занимающегося предпринимательской деятельностью, тогда как предъявленное обвинение касается лишь части из них. Закон Республики Казахстан «О банках и банковской деятельности» [15] устанавливает обязанность банка исполнить требование следователя, но не наделяет банк ни правом, ни обязанностью проверить его соразмерность.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что большинство развитых правовых систем предусматривают ускоренную судебную процедуру выдачи обеспечительного ордера по делам, в которых промедление может повлечь непоправимый ущерб для будущего взыскания. В Германии следственный судья вправе выдать Arrestbefehl в течение суток с момента обращения прокуратуры. В Великобритании применяется институт freezing injunction, выдаваемого судом в очень короткие сроки, нередко без предварительного уведомления ответчика,

но с последующим обязательным слушанием. Оба механизма объединяет то, что ограничение вводится судом, а не органом расследования, и его действие с самого начала ограничено определённым сроком.

Для Казахстана оптимальной представляется модель ускоренного судебного ордера, выдаваемого на срок не более 72 часов с момента обращения следователя или прокурора. За этот срок орган расследования обязан либо подготовить полноценное ходатайство об аресте, либо ордер прекращает своё действие автоматически. Именно такой подход позволит соединить оперативность, необходимую для сохранения активов, с судебным контролем, требуемым конституционными гарантиями.

Изучение теоретических основ показало, что арест имущества в Казахстане сегодня - это не просто запрет на продажу, а сложный инструмент, который должен и ущерб возместить, и права собственника не нарушить.

2 Организационно-правовые проблемы и пути совершенствования механизма ареста имущества в целях обеспечения возмещения ущерба

2.1 Исполнение ареста имущества и взаимодействие органов уголовного преследования

Судебное решение о наложении ареста на имущество не является самоисполняющимся. Оно требует реальных исполнительных действий, направленных на физическую или правовую изоляцию арестованного имущества от распоряжения обвиняемого. Именно на этапе исполнения сосредоточена значительная часть практических проблем, которые обесценивают юридически безупречный арест.

Механизм исполнения зависит от вида арестованного имущества. Арест недвижимости исполняется путём внесения записи об ограничении в государственный реестр прав на недвижимое имущество, который ведётся Министерством юстиции Республики Казахстан через систему государственных корпораций «Правительство для граждан». Арест транспортных средств фиксируется в реестре регистрации транспортных средств. Арест банковских счетов исполняется банком путём блокировки соответствующих операций. Арест наличных денег, ювелирных украшений, предметов антиквариата, оборудования и иного движимого имущества требует физического изъятия и передачи на ответственное хранение.

Взаимодействие органов расследования с регистрирующими органами при исполнении ареста остаётся одним из наиболее уязвимых звеньев всей цепочки. По данным, приводимым в научной литературе [6], средний срок внесения записи об аресте недвижимости с момента получения регистрирующим органом копии судебного решения составляет от 3 до 7 рабочих дней. За это время обвиняемый теоретически сохраняет возможность зарегистрировать сделку об

отчуждении имущества, если запись об аресте ещё не внесена. Этот технический разрыв представляет собой системную уязвимость, устранение которой требует не нормативных изменений, а организационных - прежде всего установления режима немедленной регистрации ареста в электронной форме.

Казахстанская цифровая инфраструктура предоставляет для этого технические возможности. Система электронных судебных решений, интегрированная с базами данных регистрирующих органов, позволяет организовать автоматическую блокировку регистрационных действий непосредственно в момент вступления в силу судебного решения об аресте без какого-либо ручного ввода данных. Реализация такой интеграции потребовала бы внесения изменений в регламенты нескольких государственных органов, но не в законодательство.

Наиболее острой остаётся проблема ответственного хранения движимого имущества, изъятого в рамках ареста. Статья 163 УПК РК [1] указывает на возможность передачи имущества на хранение самому обвиняемому с запретом распоряжения, иным физическим или юридическим лицам либо органу расследования. Практика хранения имущества у самого обвиняемого порождает очевидный конфликт интересов и нередко оказывается неэффективной: без физической изоляции имущества запрет распоряжения остаётся декларативным.

В казахстанской правоприменительной практике институт ответственного хранителя недостаточно развит. Отсутствует специализированная государственная или частная структура, аккредитованная для хранения арестованных в рамках уголовного процесса активов, аналогичная тем, которые функционируют в ряде европейских государств. Вопрос о затратах на хранение, их отнесении на счёт того или иного участника процесса и возмещении при оправдании обвиняемого также нормативно не урегулирован.

Сложная ситуация складывается при аресте имущества, обладающего ограниченным сроком годности или требующего специального режима

содержания. Применительно к продовольственным товарам, фармацевтической продукции, живым растениям и ряду иных объектов арест, сопряжённый с ненадлежащим хранением, может обесценить само арестованное имущество. Закон не обязывает орган расследования принимать меры к сохранению потребительских свойств арестованного имущества, что влечёт имущественные потери как для потенциальных взыскателей, так и для собственников.

2.2 Прокурорский надзор за законностью и соразмерностью ареста имущества

Прокурорский надзор за законностью применения мер уголовно-процессуального принуждения является конституционной функцией прокуратуры Республики Казахстан и детально регламентирован Законом Республики Казахстан «О прокуратуре» [16]. Применительно к аресту имущества надзорная функция прокурора реализуется на нескольких уровнях: при даче согласия на ходатайство следователя об аресте, в ходе надзора за исполнением судебного решения об аресте и при проверке обоснованности сохранения ареста на протяжении всего производства по делу.

При даче согласия на ходатайство прокурор осуществляет предварительный нормативный контроль: он проверяет, соответствует ли ходатайство требованиям закона, подкреплено ли оно достаточными доказательствами и соразмерен ли предполагаемый объём ареста. Данная функция принципиально важна именно потому, что суд при последующем рассмотрении ходатайства лишён возможности глубокой проверки фактической базы. Прокурор как процессуальный надзорный орган располагает большим доступом к материалам дела и обязан не просто дать формальное согласие, но оценить реальную необходимость ареста.

Практика, однако, показывает, что прокурорское согласие зачастую носит формальный характер. Этому способствует ряд организационных факторов: значительная нагрузка на процессуальных прокуроров, отсутствие специализированных стандартов оценки ходатайств об аресте имущества, а также институциональная близость прокурора и следователя в рамках единой системы уголовного преследования. В условиях, когда успех расследования оценивается в том числе по факту наложения ареста на имущество, прокурор объективно заинтересован в удовлетворении ходатайства, что ослабляет независимость его контрольной функции.

Надзор за исполнением судебного решения об аресте представляет самостоятельную сферу прокурорской деятельности, которая на практике реализуется недостаточно. Прокуроры крайне редко проверяют факт своевременного внесения записей об аресте в регистры, надлежащее хранение изъятого имущества, соответствие условий хранения требованиям сохранности арестованных активов. Выездные проверки пунктов хранения арестованного имущества являются исключением, а не правилом, что создаёт благоприятные условия для утраты или подмены активов.

Надзор за продолжающимися арестами на стадии судебного разбирательства является наиболее запущенной сферой. После передачи дела в суд прокурор, поддерживая государственное обвинение, как правило, не актуализирует оценку необходимости и соразмерности сохраняющегося ареста. Если в ходе судебного разбирательства гражданский истец отказывается от иска или уменьшает его размер, арест тем не менее сохраняется в прежнем объёме вплоть до вступления приговора в законную силу, хотя правовое основание для его сохранения в прежнем объёме уже отпало.

В качестве системной меры совершенствования прокурорского надзора в данной сфере предлагается введение обязательного квартального мониторинга арестованных активов по делам, в которых арест действует более шести месяцев.

Такой мониторинг должен включать проверку сохранности имущества, актуальности его стоимостной оценки, наличия оснований для сохранения ареста в полном объёме и своевременного обращения в суд с ходатайством о его снятии или уменьшении при изменении обстоятельств дела.

2.3 Защита прав собственника и третьих лиц

Право собственности в Республике Казахстан гарантировано статьёй 26 Конституции [3], которая устанавливает его охрану законом и допускает принудительное изъятие имущества лишь в судебном порядке с обязательным равноценным возмещением. Арест имущества по своей природе является принудительным ограничением права собственности, которое допустимо лишь при строгом соблюдении конституционных и процессуальных условий.

Принцип соразмерности является ключевым при оценке конституционности ареста имущества. Он предполагает, что объём и интенсивность ограничения права собственности должны быть минимально необходимы для достижения законной цели: стоимость арестованного имущества не должна существенно превышать возможную сумму взыскания; менее ограничительные меры, позволяющие обеспечить исполнение будущего решения, должны применяться преимущественно; арест не должен распространяться на имущество, прямо не связанное с деятельностью, составляющей предмет обвинения. Судебная практика в части применения данного принципа остаётся непоследовательной: одни суды запрашивают документальное подтверждение стоимости активов и проверяют соответствие объёма ареста размеру исковых требований, другие принимают ходатайство без такой проверки.

Проблема добросовестного третьего лица является, вероятно, наиболее острой из всех, которые порождает институт ареста имущества в уголовном процессе Казахстана. УПК РК предусматривает, что арест может быть наложен

на имущество, находящееся у третьих лиц, если доказано, что оно передано им для укрытия либо является доходом от преступления или приобретено на такие доходы (ст. 161 УПК РК [1]). Данная норма фиксирует законное основание для ареста имущества у третьих лиц, но не определяет механизм защиты прав тех из них, кто является добросовестным приобретателем. Добросовестность в гражданском праве Республики Казахстан презюмируется (ст. 8 ГК РК [5]), однако в уголовно-процессуальных отношениях эта презумпция не имеет прямого действия.

Ахметова Г.С. документирует ряд ситуаций, в которых добросовестные кредиторы, залогодержатели и приобретатели фактически утрачивали права на арестованное имущество вследствие расширительного применения нормы об аресте имущества у третьих лиц [10]. Особенно болезненны случаи, когда арестовывается имущество, уже обременённое ипотекой в пользу банка, выдавшего кредит задолго до совершения преступления. Банк как залогодержатель не является участником уголовного процесса, не извещается о ходатайстве об аресте и лишается возможности защитить свои права в момент принятия судебного решения.

Действующее законодательство предоставляет третьим лицам, чьё имущество арестовано, право обжаловать арест в суде (ст. 110 УПК РК [1]). Однако реализация этого права на практике сопряжена со значительными трудностями. Третье лицо узнаёт об аресте, как правило, из сообщения регистрирующего органа об отказе в проведении сделки - то есть тогда, когда ограничение уже введено. Процедура обжалования требует участия адвоката и знания уголовно-процессуальных норм. Бремя доказывания добросовестности при приобретении лежит на третьем лице, что в условиях, когда оно не является участником уголовного процесса, создаёт серьёзные процессуальные препятствия.

В связи с этим, в целях усиления защиты прав собственников имущества предлагается статью 161 УПК РК дополнить пунктом 11 в следующей редакции:

«11. Копия постановления о наложении ареста на имущество, санкционированного следственным судьей, не позднее двадцати четырех часов с момента его получения лицом, осуществляющим досудебное расследование, вручается или направляется собственнику имущества, а также третьим лицам, на чье имущество наложен арест или чьи права обременены данным арестом, за исключением случаев, когда их местонахождение не установлено. Извещение может быть направлено в форме электронного документа, удостоверенного электронной цифровой подписью, либо посредством иных каналов связи, обеспечивающих фиксирование получения уведомления».

, а статью 163 УПК РК дополнить пунктом 2-1 в следующей редакции:

«2-1. В случае, если арест налагается на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу (третьих лиц), либо если собственник имущества заявил мотивированное ходатайство о несогласии с обеспечительными мерами до момента рассмотрения дела судом, следственный судья проводит закрытое судебное заседание с участием прокурора, следователя (дознавателя) и собственника имущества (его представителя). Неявка своевременно извещенного собственника имущества или его представителя не препятствует рассмотрению ходатайства.

В ходе судебного заседания собственник имущества или его представитель вправе давать объяснения, представлять документы, подтверждающие законность происхождения имущества, заявлять возражения относительно соразмерности стоимости имущества предъявленному иску или объему предполагаемой конфискации».

Можно также рассмотреть зарубежный опыт, который предлагает ряд механизмов, заслуживающих изучения применительно к казахстанским условиям. В Соединённых Штатах Америки процедура forfeiture

предусматривает специальное производство, в рамках которого любое лицо, претендующее на арестованное имущество, вправе подать петицию и представить доказательства своих прав. Суд рассматривает конкурирующие требования и распределяет имущество с учётом приоритета добросовестных третьих лиц. Адаптация данной модели к казахстанскому уголовному процессу потребовала бы введения самостоятельного производства о судьбе арестованного имущества, отдельного от основного уголовного дела, что позволило бы разгрузить уголовное судопроизводство от гражданско-правовых споров о правах собственности.

2.4 Арест имущества в обеспечении гражданского иска

Гражданский иск в уголовном процессе является процессуальной формой, позволяющей потерпевшему совместить требование о привлечении виновного к уголовной ответственности с требованием о возмещении имущественного вреда в рамках единого производства. Институт гражданского иска в уголовном процессе Республики Казахстан регламентирован главой 16 УПК РК [1] и органично связан с институтом ареста имущества: арест служит процессуальной гарантией того, что решение суда по иску не окажется неисполненным вследствие отсутствия у осуждённого имущества.

Взаимосвязь ареста и гражданского иска проявляется на нескольких уровнях. На уровне оснований: наличие гражданского иска или достаточных данных о причинении имущественного вреда является одним из оснований для наложения ареста (ст. 161 УПК РК [1]). На уровне объёма: размер арестованного имущества должен соответствовать размеру заявленного иска. На уровне судьбы ареста: сохранение ареста в ходе судебного разбирательства обусловлено необходимостью обеспечить исполнение решения по иску в случае его удовлетворения. На уровне снятия ареста: отзыв гражданского иска или

установление отсутствия имущественного вреда является основанием для снятия ареста, наложенного в целях его обеспечения.

Практика рассмотрения уголовных дел обнаруживает разрыв между логикой закона и её реализацией в судебном разбирательстве. Суды нередко уклоняются от детального анализа оснований сохранения ареста в ходе судебного процесса, воспринимая его как нечто автоматически следующее из факта предъявленного обвинения. Это создаёт ситуации, при которых арест сохраняется и после полного возмещения ущерба обвиняемым в добровольном порядке, и после частичного отзыва гражданского иска, и после изменения квалификации деяния на менее тяжкое с иным размером санкции.

Прокурор, поддерживающий государственное обвинение, обязан в том числе контролировать соответствие сохраняющегося ареста интересам гражданского истца. Если гражданский истец - физическое лицо, не обладающее достаточными правовыми знаниями, прокурор фактически является единственным субъектом, способным своевременно поставить перед судом вопрос о корректировке объёма ареста. На практике эта функция реализуется крайне редко: участники судебного разбирательства сосредоточены на вопросах уголовно-правовой квалификации и меры наказания, оставляя имущественные вопросы на периферии процессуального внимания.

Особого внимания заслуживает ситуация, когда гражданский иск в уголовном деле не предъявлен, а потерпевший намерен обратиться с самостоятельным иском в гражданский суд. УПК РК допускает такую возможность, однако не обязывает орган расследования уведомить потерпевшего о его праве ходатайствовать о наложении ареста в целях обеспечения будущего гражданского иска. В результате потерпевший, выбравший путь самостоятельного гражданского судопроизводства, нередко обнаруживает, что к моменту вынесения решения исполнить его не из чего -

имущество обвиняемого либо не было арестовано, либо арест был снят после прекращения уголовного дела в части.

Решение видится в законодательном закреплении обязанности следователя и прокурора информировать потерпевшего о его праве заявить гражданский иск в рамках уголовного дела и о последствиях отказа от этого права для обеспечения имущественных требований. Данная обязанность не требует сложных процессуальных конструкций - достаточно закрепить соответствующее разъяснение в составе обязательных действий при признании лица потерпевшим.

Германская модель, закреплённая в §§ 111b-111o Уголовно-процессуального кодекса Германии [12], предусматривает самостоятельное право потерпевшего ходатайствовать о наложении обеспечительного ареста в пользу своего требования, не дожидаясь инициативы прокуратуры. Суд рассматривает такое ходатайство по правилам, аналогичным обеспечению иска в гражданском судопроизводстве, что обеспечивает более высокое процессуальное качество принимаемых решений. Применительно к казахстанской системе данная модель предполагает наделение гражданского истца самостоятельным правом обращаться в суд с ходатайством об аресте имущества в обеспечение своих требований независимо от позиции органов расследования. Французская модель, закреплённая в статье 706-103 Кодекса уголовного судопроизводства Франции [17], наделяет следственного судью полномочием самостоятельно инициировать арест при наличии достаточных оснований - элемент, адаптация которого к казахстанской системе также представляет практический интерес.

2.5 Цифровые активы и обеспечение гражданского иска в условиях цифровой экономики

Цифровые активы представляют особую категорию объектов, не поддающихся аресту в традиционном смысле - запись в регистре, физическое изъятие или блокировка операций через банк здесь неприменимы. Казахстан принял закон о цифровых активах [25], а Цифровой кодекс Республики Казахстан № 255-VIII, подписанный 9 января 2026 года и вступающий в силу 11 июля 2026 года [26], закрепил понятийный аппарат цифровых активов, цифровых прав и цифровой идентичности. Однако процессуальный порядок ареста таких активов в рамках уголовного судопроизводства нормативно не определён ни в одном из этих актов, и данный пробел с ростом доли цифровых транзакций в экономике страны приобретает критическую практическую значимость.

Ущерб, причинённый экономическим преступлением в современных условиях, всё чаще выражается в формах, которые не укладываются в традиционную категорию имущественного вреда. Три наиболее распространённых в казахстанской практике типа цифрового ущерба порождают самостоятельные процессуальные проблемы при предъявлении гражданского иска и обеспечении его исполнения. При хищении криптовалютных активов стоимость похищенного в тенге зависит от курса на момент оценки, а УПК РК не устанавливает момент, на который эта стоимость должна определяться для целей гражданского иска. При мошенничестве с использованием платформ электронной торговли ущерб нередко выражается в обнулении баланса платформенного кошелька, потере рейтинга и будущей выручки - элементов, которые не являются имуществом в традиционном смысле, однако представляют вполне реальную экономическую ценность, не апробированную в казахстанской судебной практике в качестве предмета гражданского иска. При неправомерном

использовании или уничтожении монетизированных цифровых аккаунтов гражданский иск сталкивается с фундаментальным вопросом о том, что именно является предметом ущерба.

Технически арест криптовалютных активов может осуществляться несколькими способами, каждый из которых имеет собственные правовые и практические ограничения. Арест через биржу возможен только если биржа зарегистрирована в юрисдикции, с которой у Казахстана есть договорные отношения, и только если биржа соблюдает требования KYC/AML. Изъятие приватного ключа при физическом обыске технически эффективно, но требует специальных криминалистических компетенций и немедленно ставит вопрос о безопасном хранении изъятых цифровых активов, стоимость которых подвержена волатильности. Смарт-контрактный арест теоретически возможен в отношении активов, размещённых в смарт-контракте с управляемым доступом, однако требует либо сотрудничества разработчика контракта, либо наличия уязвимости в его коде, что не является надёжной правовой основой.

Оценка цифрового актива для целей определения соразмерности ареста представляет самостоятельную методологическую проблему. Рыночная стоимость криптовалюты подвержена значительным колебаниям, и любая оценка устаревает уже в момент её составления. Стоимость монетизированного аккаунта или платформенного бизнеса вообще не имеет стандартной методики расчёта в казахстанском праве: Закон Республики Казахстан «Об оценочной деятельности» [29] не содержит специальных правил оценки цифровых активов, что оставляет вопрос на усмотрение конкретного эксперта. Мировая практика выработала несколько подходов: «исторической стоимости» на момент совершения преступления, «стоимости на момент иска» и «наибольшей стоимости за период». Применительно к казахстанскому праву наиболее сбалансированным представляется закрепление подхода «стоимости на момент

предъявления иска» с правом суда скорректировать её в большую сторону, если к моменту вынесения приговора стоимость актива существенно возросла.

Директива Европейского парламента и Совета 2024/1260 о возврате и конфискации активов [27] впервые на уровне права ЕС установила специальные правила идентификации, трассировки и ареста криптоактивов в рамках уголовного судопроизводства. Директива обязывает государства-члены создать специализированные органы по розыску активов с техническими компетенциями в области блокчейн-анализа, а также ввести ускоренные процедуры временного ареста цифровых активов с немедленным уведомлением суда. Опыт имплементации данной директивы представляет для Казахстана непосредственный практический интерес, поскольку предлагает апробированную нормативную модель для адаптации. В Соединённых Штатах Америки Министерство юстиции располагает специализированной командой по криптовалютным активам (National Cryptocurrency Enforcement Team), которая с 2021 года изъяла цифровых активов на сумму свыше 10 млрд долларов США [28]. В Казахстане сопоставимой специализированной структуры не существует ни в системе Агентства по финансовому мониторингу, ни в органах досудебного расследования. Создание такой структуры с соответствующими техническими компетенциями и доступом к блокчейн-аналитическим инструментам является необходимым условием практической реализации любого законодательного решения в данной сфере.

Вопрос о том, как хранить арестованные цифровые активы в период расследования и судебного разбирательства, приобретает особое значение в силу их волатильности. Если арестованная криптовалюта хранится на кошельке органа расследования и за период дела обесценивается вдвое, потерпевший de facto взыскивает меньше, чем предусматривал приговор. Ни один из этих вопросов в казахстанском законодательстве не решён. Принятие специального нормативного акта о порядке хранения и управления цифровыми активами,

арестованными в рамках уголовного процесса, является неотложной задачей, которая в условиях вступления в силу Цифрового кодекса РК в июле 2026 года приобретает конкретные законодательные очертания.

2.6 Организационно-правовой механизм (алгоритм) применения ареста имущества в целях обеспечения возмещения ущерба

На основании проведённого исследования формулируются рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Казахстан в части регулирования ареста имущества в уголовном процессе, а также предлагается организационно-правовой алгоритм его применения в целях обеспечения возмещения ущерба.

Алгоритм охватывает последовательные стадии от возбуждения дела до исполнения приговора и включает следующее.

На стадии возбуждения уголовного дела следователь обязан незамедлительно оценить имущественный потенциал дела: установить предполагаемый размер ущерба, идентифицировать имущество подозреваемого, способное стать предметом ареста, и уведомить потерпевшего о праве заявить гражданский иск с разъяснением его имущественных последствий. При наличии угрозы вывода активов следователь вправе ходатайствовать о выдаче ускоренного судебного ордера о временном ограничении распоряжения имуществом сроком до 72 часов.

На стадии подготовки ходатайства об аресте следователь формирует пакет документов, включающий причинно-следственное обоснование связи имущества с инкриминируемым деянием, документальное подтверждение принадлежности имущества подозреваемому или его связи с доходами от преступления, а при стоимости имущества свыше 500 месячных расчётных показателей - заключение специалиста-оценщика о рыночной стоимости

арестуемых активов. Ходатайство вносится прокурору, который осуществляет содержательную, а не формальную проверку его обоснованности.

На стадии судебного рассмотрения ходатайства суд принимает первичное решение в течение 24 часов. В случаях, не требующих безотлагательности, либо если первичное решение затрагивает права третьих лиц, обременения или добросовестных кредиторов, не позднее чем через 5 рабочих дней проводится подтверждающее слушание с участием всех заинтересованных лиц. Отсутствие подтверждения влечёт автоматическое прекращение ареста. На этой же стадии суд оценивает наличие обременений в пользу добросовестных третьих лиц и отражает соответствующие ограничения в резолютивной части решения.

На стадии исполнения решения об аресте вступившее в силу судебное решение направляется в регистрирующие органы в электронной форме с автоматической блокировкой соответствующих регистрационных действий. Движимое имущество передаётся профессиональному хранителю; для активов с ограниченным сроком годности принимаются меры по сохранению их потребительских свойств. Цифровые активы арестуются с использованием технических методов, соответствующих их природе, и хранятся на защищённом кошельке с протоколированием всех транзакций.

На стадии сохранения ареста в ходе расследования и судебного разбирательства прокурор осуществляет квартальный мониторинг каждого ареста, действующего более шести месяцев, с обязательной проверкой сохранности имущества, актуальности его стоимостной оценки и наличия оснований для сохранения ареста в полном объёме. При изменении обстоятельств - частичном возмещении ущерба, уменьшении размера гражданского иска, изменении квалификации - прокурор обращается в суд с ходатайством о снятии или корректировке объёма ареста.

В делах с иностранным элементом запрос о трансграничном аресте готовится с учётом стандартов доказывания запрашиваемого государства. При

наличии у Казахстана двустороннего договора о правовой помощи применяется договорной порядок; при его отсутствии запрос направляется через сеть Egmont Group с параллельным дипломатическим сопровождением.

В части цифровых активов до принятия специального нормативного акта о порядке их ареста и хранения органам расследования рекомендуется применять наиболее адаптированный из существующих механизмов - арест через биржу при наличии договорных отношений с соответствующей юрисдикцией либо изъятие приватного ключа при обыске с немедленной конвертацией в стабильный цифровой актив в целях минимизации волатильности. Стоимость цифрового актива для целей гражданского иска определяется на момент предъявления иска с последующей корректировкой судом.

Совокупность предложенных мер нормативного и организационного характера направлена на устранение системных изъянов, зафиксированных в обоих разделах настоящего исследования: правовой неопределённости предварительных обеспечительных мер, формализма судебного и прокурорского контроля, незащищённости добросовестных третьих лиц, нормативного вакуума в сфере цифровых активов и договорного дефицита в области трансграничного ареста. Реализация данных мер возможна преимущественно в рамках точечных поправок к УПК РК и ведомственных нормативных актов без необходимости системного пересмотра уголовно-процессуального законодательства.

Выводы по второму разделу: Практический анализ выявил серьезный разрыв между законом и реальностью: по статистике, возмещается лишь около 34% причиненного ущерба. Основные причины - затянутые сроки наложения ареста и неповоротливость системы при работе с современными активами, такими как криптовалюта и цифровые права.

Исследование показало, что права честных людей и банков (третьих лиц) защищены слабо: они часто узнают об аресте имущества, когда сделать уже ничего нельзя. Предложенный в работе организационно-правовой алгоритм

решает эти задачи (Приложение 1). Он предлагает четкую схему действий: от мгновенной идентификации активов до их правильного хранения в условиях цифровизации. Внедрение этого механизма позволит не просто формально арестовывать имущество, а реально обеспечивать возврат денег потерпевшим и государству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий магистерский проект представляет собой комплексное исследование ареста имущества как меры уголовно-процессуального принуждения в контексте её функционального назначения - обеспечения возмещения ущерба и удовлетворения гражданского иска в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан.

По результатам проведённого исследования сформулированы следующие выводы.

Первое. Арест имущества обладает двойственной правовой природой, сочетая фискально-восстановительную и превентивно-процессуальную функции. Действующий УПК РК не проводит нормативного разграничения между обеспечительным и конфискационным арестом, что порождает устойчивую неопределённость при определении объёма ареста и оснований его сохранения. Отечественная уголовно-процессуальная доктрина, представленная работами Исмаилова Б.И. [6], Тулеуовой М.Е. [7], Нурмагамбетова С.Б. [9], ставит данный вопрос, однако не предлагает законченного нормативного решения. Данный пробел должен быть устранён путём введения в УПК РК самостоятельных норм для каждого вида ареста с чётко разграниченными основаниями, условиями и процессуальными последствиями.

Второе. Предварительные обеспечительные меры - запреты регистрационных действий, приостановление банковских операций - применяются вне судебного контроля, что противоречит конституционным гарантиям права собственности [3] и международным стандартам. Процессуальный порядок санкционирования ареста страдает формализмом: суд рассматривает ходатайство в течение 24 часов без участия собственника и без независимой оценки стоимости активов. Предложенная двухэтапная модель судебного контроля - первичное решение в условиях срочности с обязательным

подтверждающим слушанием в течение пяти рабочих дней - устраняет данный изъян, не жертвуя оперативностью принятия обеспечительных мер. Сравнительный анализ германской модели Arrestbefehl [12] и казахстанской процедуры подтверждает обоснованность данного предложения.

Третье. Установлен технический разрыв между принятием решения об аресте и его внесением в государственные реестры, создающий реальное окно для вывода активов. Прокурорское согласие на ходатайство об аресте носит в большинстве случаев формальный характер, а надзор за сохраняющимися арестами на стадии судебного разбирательства системно не осуществляется. Алауханов Е.О. констатирует, что неэффективность обеспечительных мер является одним из ключевых факторов, способствующих безнаказанности экономической преступности [20]. Введение квартального мониторинга длящихся арестов и интеграция судебной информационной системы с реестрами в режиме реального времени способны кардинально повысить эффективность института без изменения закона.

Четвёртое. Выявлено системное противоречие между презумпцией добросовестности, закреплённой в гражданском праве [5], и фактическим возложением на третьих лиц бремени доказывания своей непричастности к преступлению в уголовно-процессуальных отношениях. Когамов М.Ч. указывает на то, что обеспечение баланса публичного и частного интереса в уголовном процессе является одной из наиболее сложных теоретических задач казахстанской уголовно-процессуальной науки [18]. Разработанная модель специального производства о правах на арестованные активы предлагает операциональный механизм реализации этого баланса.

Пятое. Потерпевший лишён самостоятельного права ходатайствовать об аресте, не информируется о процессуальных последствиях своего выбора и фактически зависит от усмотрения органов расследования в вопросах имущественного обеспечения своих требований. Зарубежный опыт Германии,

Франции и Эстонии демонстрирует, что наделение потерпевшего процессуальной активностью в вопросах ареста не только повышает эффективность возмещения ущерба, но и снижает нагрузку на органы расследования. Климкин С.И. в контексте анализа имущественных прав в гражданском праве Казахстана также обращает внимание на необходимость усиления процессуальных возможностей кредиторов [19].

Цель исследования - разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию механизма ареста имущества в уголовном процессе Республики Казахстан в части обеспечения возмещения ущерба - достигнута в полном объёме. Поставленные задачи решены: исследованы теоретические основы и правовая природа ареста имущества, проанализированы нормативные основания и условия его применения, выявлены системные недостатки процессуального порядка, разработаны конкретные предложения de lege ferenda, охватывающие предварительные обеспечительные меры, порядок санкционирования, исполнение, прокурорский надзор, защиту третьих лиц, обеспечение гражданского иска, трансграничный арест и регулирование цифровых активов.

Разрыв между суммой ущерба, установленной приговором, и суммой фактически возмещённого ущерба, достигающий 65-70% [2], является прямым следствием системных недостатков правового регулирования, выявленных в настоящем исследовании. Большинство этих недостатков носит не изолированный, а взаимообусловленный характер и не может быть устранён точечными поправками - необходима концептуальная реформа института, охватывающая все его элементы в их совокупности.

По уровню научной разработанности настоящая работа превосходит имеющиеся в казахстанской литературе монографические и диссертационные исследования в части: комплексного охвата всех стадий применения ареста имущества в едином исследовании; введения в научный оборот проблематики

цифрового гражданского иска и ареста цифровых активов в казахстанском уголовном процессе; разработки организационно-правового алгоритма применения ареста имущества в зависимости от вида активов как практически ориентированного инструмента. Сопоставление с аналогичными исследованиями в российской, германской и эстонской правовой науке подтверждает соответствие методологии и выводов актуальному уровню сравнительно-правовой науки.

Результаты настоящего магистерского проекта рекомендуется использовать по следующим направлениям.

В нормотворческой деятельности: при подготовке поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан в части регулирования предварительных обеспечительных мер, порядка санкционирования и исполнения ареста имущества; при разработке нормативного постановления Верховного Суда о практике применения ареста имущества в уголовном процессе; при подготовке специального нормативного акта о порядке ареста и хранения цифровых активов в рамках уголовного судопроизводства.

В правоприменительной деятельности: в деятельности Генеральной прокуратуры Республики Казахстан при выработке ведомственных стандартов прокурорского надзора за законностью и соразмерностью ареста имущества; непосредственно в деятельности органов досудебного расследования при применении разработанных алгоритмов ареста имущества в зависимости от вида активов.

В учебном процессе: при преподавании в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан дисциплин «Уголовный процесс», «Прокурорский надзор» и «Цифровое право»; при разработке учебно-методических материалов по вопросам обеспечения возмещения ущерба в уголовном судопроизводстве.

Перспективными направлениями дальнейших научных исследований, непосредственно вытекающими из настоящей работы, являются: изучение практики имплементации Директивы ЕС 2024/1260 государствами-членами и выработка модели её рецепции для казахстанского права; исследование вопроса о субсидиарной ответственности цифровых платформ за ущерб, причинённый через их инфраструктуру; сравнительно-правовой анализ механизмов трансграничного возврата активов в государствах ЕАЭС с учётом перспектив гармонизации уголовно-процессуального законодательства в рамках Союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Отчёт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о результатах прокурорского надзора в сфере возмещения ущерба по уголовным делам за 2023–2024 гг. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/prosecutors (дата обращения: 01.05.2026).

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2026) [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 01.05.2026).

3 Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://10.61.42.188/rus/docs/K2600000000 (дата обращения: 01.05.2026).

4 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 01.05.2026).

5 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 01.05.2026).

6 Исмаилов Б. И. Меры процессуального принуждения в уголовном процессе Республики Казахстан. — Астана: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре РК, 2018. — 218 с.

7 Тулеуова М. Е. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер процессуального принуждения // Вестник Академии правоохранительных органов. — 2020. — № 2. — С. 45–58.

8 Смагулов А. К. Арест имущества как мера процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Вестник КазНУ. Серия юридическая. — 2019. — № 4. — С.112–124.

9 Нурмагамбетов С. Б. Обеспечение гражданского иска в уголовном процессе Республики Казахстан. — Алматы, 2016. — 196 с.

10 Ахметова Г. С. Правовые проблемы возмещения ущерба потерпевшему в уголовном судопроизводстве // Право и государство. — 2021. — № 3. — С. 67–79.

11 Жакупов Ж. С. Баланс публичных и частных интересов при ограничении права собственности в уголовном процессе // Вестник Евразийского национального университета. — 2022. — № 1. — С. 88–101.

12 Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland (StPO) vom 7 April 1987 (BGBl. I S. 1074) mit späteren Änderungen. — Berlin, 2024. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/ (дата обращения: 01.05.2026).

13 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 июня 2005 г. № 1 «О рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе» [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P05000001S_ (дата обращения: 01.05.2026).

14 European Court of Human Rights. Kolb and Others v. Austria, Application No. 35021/97: judgment of 17 April 2003. — Strasbourg, 2003. - [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60953 (дата обращения: 01.05.2026).

15 Закон Республики Казахстан «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» от 31 августа 1995 г. № 2444 [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002444_ (дата обращения: 01.05.2026).

16 Закон Республики Казахстан «О прокуратуре» от 30 июня 2017 г. № 81-VI ЗРК [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081 (дата обращения: 01.05.2026).

17 Code de procédure pénale de la République française. Version consolidée au 1er janvier 2024. — Paris: Legifrance, 2024. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006071154/ (дата обращения: 01.05.2026).

18 Когамов М. Ч. Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан: теория и практика. — Алматы: Жеті жарғы, 2020. — 512 с.

19 Климкин С. И. Имущественные права в гражданском праве Республики Казахстан : новые объекты и режимы. — Алматы, 2022. — 184 с.

20 Алауханов Е. О. Криминология: учебник. — Алматы: Жеті жарғы, 2019. — 608 с.

21 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минская конвенция): ратифицирована Республикой Казахстан в 1994 г. [Электронный ресурс] -Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940000009_ (дата обращения: 01.05.2026).

22 Договоры Республики Казахстан о правовой помощи по уголовным делам с Китайской Народной Республикой (1993), Республикой Корея (1999), Турецкой Республикой (1995) и др. / Министерство юстиции РК. — Астана.

23 Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. (ETS № 141). — Страсбург, 1990. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://rm.coe.int/1680079fff (дата обращения: 01.05.2026).

24 FATF. Kazakhstan Mutual Evaluation Report. — Paris : Financial Action Task Force, 2024. — 312 p. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/MER-Kazakhstan-2024.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

25 Закон Республики Казахстан «О цифровых активах» от 6 февраля 2023 г. № 200-VII ЗРК [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000200 (дата обращения: 01.05.2026).

26 Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 г. № 255-VIII [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255 (дата обращения: 01.05.2026).

27 Directive (EU) 2024/1260 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on asset recovery and confiscation // Official Journal of the European Union. — 2024. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024L1260 (дата обращения: 01.05.2026).

28 U.S. Department of Justice. National Cryptocurrency Enforcement Team : Annual Report 2023. — Washington, D.C. : DOJ, 2024. — 48 p. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.justice.gov/criminal/criminal-ccips/page/file/1354751/dl (дата обращения: 01.05.2026).

29 Закон Республики Казахстан «Об оценочной деятельности» от 30 ноября 2000 г. № 109-II [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z000000109_ (дата обращения: 01.05.2026).